

Вспоминает Сергей Борисов

«Вечерка» продолжает публиковать материалы в связи с ее грядущим столетием.

Сегодня молодым журналистам и не понять тех законов, по которым когда-то материалы уходили в печать. Вопреки мнению многих цензоры в редакциях

не только строго соблюдали установленные «сверху» правила игры, но порой спасали журналистов от многих неприятностей.

Об особенностях их работы рассказывает бывший сотрудник «Вечерней Москвы» Сергей Борисов.

..Мой номер был «16». Как шутили журналисты «Вечерки»: чуть-чуть не дотянул до Харламова. Я не обижался, но упоминание воинских частей из их репортажей вычеркивал регулярно. Например, такие незаконные подробности: «Лыжню для спортсменов помогли проложить военнослужащие в/ч №... из Наро-Фоминска».

– Нет там воинской части, – говорил я.

– Как – нет, когда солдаты – есть? – возражал заведомо Юра Иванов.

– Хочешь упомянуть, прошу в военную цензуру, это на «Кропоткинской».

Никуда Юра не ехал, и материал приобретал такой вид: «Лыжню помогли проложить спортсмены-любители из Наро-Фоминска».

– Цензура дает добро, – говорил я, перефразируя таможенника Верещагина, и мой штамп на газетной полосе отправлял ее в печатный цех. Этот штамп с номером «16» в рабочие часы лежал под замком в ящике стола, а к ночи убирался в сейф, сдвинуть

который с места можно было лишь краном. Это была одна из загадок газетного отдела московской цензуры: как его смогли установить на седьмом этаже здания у станции метро «Улица 1905 года»? Этажом ниже располагался фотоотдел «Вечерки». Одним из развлечений цензоров и фотокорреспондентов было живописать картины, что произойдет, когда сейф проломит перекрытия. Штамп был моим орудием производства, а также способом идентификации, поскольку для газетного мира как человек с фамилией-именем-отчеством я не существовал. И не я один, безымянными были все цензоры Советского Союза. Потому что цензуры у нас не было, а значит, не было и цензоров. Имелись редакторы Главлита и его территориальных подразделений, Мосгорлита в частности. И были они уполномочены бдить и не пущать. Таким редактором на протяжении пяти лет был я, самый внимательный читатель газеты «Вечерняя Москва».

Длинный список

Гранки пахли краской и пачкались. Дежурная бригада без конца мыла руки. Тем же занимались цензоры, и отнюдь не по причине наставлений руководства, что «нашу работу надо делать чистыми руками». Один из особо образованных начальников предупреждал: «И никакого амикошонства с журналистами». – Очень нравилось ему это красивое слово, и пояснял, понижая планку: – «Пожестче с ними, с газетчиками, построже».

Построже не получалось. Это много позже, когда 25 октября 1991 года в связи с выходом «Закона о печати и других средствах массовой информации» Главлит СССР был ликвидирован, о его сотрудниках стали отзываться как о душителях и гонителях. Но во времена застоя (о прежнем свидетельствовать не буду, ибо тогда не жил) цензор газетчику был если не другом, то доброжелательным подсказчиком. И охранял он не только государственные, подчас абсурдные и надуманные секреты, но и авторов текстов от вполне реальных неприятностей. Принималось это с благодарностью. Для всех советских граждан были единые правила, и журналисты играли по ним не менее успешно. Это было торжество двоемыслия, о котором так убедительно писал Оруэлл.

Вот, помню...

Марьяна Сидоренко, заместитель ответственного секретаря «Вечерки», большой ценитель кино, как-то написала рецензию на свежий фильм-антиутопию «Бразилия» режиссера Терри Гиллиама. И разумеется, не могла не провести параллель с романом Оруэлла «1984».

– Извини, нельзя.

– А ты сам его читал? – спросила Марьяна.

– Нет, – соврал я. – Это же запрещенные в СССР и книга, и автор. А ты?

– Самиздат, – последовал честный ответ. – А кого еще не рекомендуется?

– Василь Быков, «Мертвым не больно». Любое упоминание Авторханова. Журнал «Посев». Альманах «Метрополь». Все книги Гладилина. Войнович и его «Иван Чонкин». Стругацкие и «Сказка о Тройке». Еще Виктор Некрасов, «В окопах Сталинграда». За то, что уехал.

– И как ты все помнишь?

– Всех не помню, я же не Большой Брат.

Всех действительно было не упомянуть.

Дежурный набор

У всех была своя Библия. У военных – устав, у коммунистов – Манифест, у диссидентов – «Архипелаг ГУЛАГ», у главлитовцев – «Перечень сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати». Плюс «Инструкция о порядке цензорского контроля». Плюс «Единые правила печатания изданий». Плюс бюллетени Главлита. Согласно «Единым правилам» ни одна типография ничего не принимала в производство без разрешения Главлита. Исключений было немного: бланки, этикетки, еще кое-что по мелочи. Без цензорского штампа можно было печатать «грифованную» литературу от «сов. сек.» до «ДСП». Некоторые институты и учреждения, имеющие редакционно-издательские отделы, этим пользовались. Чтобы не связываться с

цензурой, они ставили обозначение «Для служебного пользования» на все подряд. Главлитом это воспринималось с одобрением – за «грифы» отвечало другое ведомство. «Инструкция о порядке цензорского контроля» своим названием утверждала, что цензура у нас все-таки есть.

Во главе всего стоял «Перечень». В нем были отражены все сферы жизни: вооруженные силы, разведка и контрразведка, милиция, промышленность, сельское хозяйство, связь, транспорт, здравоохранение, спорт, искусство, культура... Составлялся «Перечень» не цензурой, но самими ведомствами: министерствами, комитетами... Понятно, что, помимо действительно секретных сведений, они включали в свои списки все, что могло их представить в черном свете.

Требования в «Перечне» делились на безусловные и условные. Первые – текст снять во что бы то ни стало. Вторые – можно пропустить при некоторых условиях. Если текст технический или научный, то получив акт экспертизы от заинтересованного ведомства. Если текст общеполитического, общекультурного значения, то нужна виза Минкульта, Минпроса, а лучше сразу горкома партии.

– Но имейте в виду, – предупреждал я. – Там жуткие перестраховщики.

Был еще вариант. Если советская судебная система отрицала прецедентное право, то у цензуры оно было в ходу. Достаточно было предъявить газету или книгу, в которой упоминалось, например, «закрытое» постановление правительства, и пожалуйста. Данные о таких прецедентах собирались в картотеки, а потом включались в бюллетень Главлита. О таких дополнениях к «Перечню» цензор ставил в известность главных редакторов печатных изданий и директоров издательств, в сейфах которых «Перечень» имелся в обязательном порядке. А вот бюллетени «на сторону» не отдавались, потому что в них присутствовали примеры наиболее типичных цензорских вмешательств, а также списки произведений, изымаемых из продажи и библиотек для

передачи в спецхраны.

– Теперь о Сталине можно не только плохо, но и позитивно, – предупреждал я заведующих отделами «Вечерки», собравшихся в кабинете главного редактора. А пару месяцев спустя, с получением нового бюллетеня, изрекал прямо противоположное: – Теперь о Сталине позитивно нельзя, только плохо.

Поэтому даже главные редакторы, облеченные доверием партии и Главлита, подчас не знали, в опале ли по-прежнему художник Глазунов и можно ли похвалить его новую выставку. А Гумилев? Нуреев? Сахаров? Пастернак? Крамаров? Видов? Оперативных указаний цензорам были сотни: выявить и доложить по инстанции. Сталина в редакциях все предпочитали не поминать. Как и Троцкого, Зиновьева, Каменева.

**Полностью материал Сергея Борисова
«Легенда номер 16»
читайте на сайте «Вечерней Москвы»**